

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2025.93.50.050

Правовые аспекты применения мер административного и уголовно-процессуального принуждения

Волкова Виктория Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент,
Доцент кафедры юриспруденции,
Краснодарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации,
350080, Российская Федерация, Краснодар, ул. Мира, 86;
e-mail: www.truba.ru@mail.ru

Бабенко Ирина Андреевна

Кандидат юридических наук, доцент,
Кафедра юриспруденции,
Краснодарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации,
350080, Российская Федерация, Краснодар, ул. Мира, 86;
e-mail: www.truba.ru@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу правовых и социально-философских аспектов применения мер административного и уголовно-процессуального принуждения в современной России. Цель исследования состоит в выявлении угроз для прав и свобод личности, возникающих в условиях расширения административной юрисдикции и стирания границ между административным и уголовным процессом. Эмпирическую базу работы составляют Конституция РФ, отраслевое законодательство, решения Конституционного Суда, Верховного Суда и судов общей юрисдикции, а также актуальные научные публикации отечественных и зарубежных авторов; методологическую основу образуют диалектический, системно-структурный, формально-юридический, герменевтический и феноменологический подходы. Авторы показывают, что административное принуждение, изначально предназначенное для оперативного реагирования на малозначительные правонарушения, фактически начинает подменять собой уголовно-процессуальные механизмы, обладающие более высоким уровнем процедурных гарантий. Особое внимание уделено феномену административной преюдиции, при котором решения, вынесенные в упрощенной процедуре, определяют последующую уголовную ответственность, что подрывает принципы презумпции невиновности и состязательности сторон. Анализируются влияние широкой дискреции должностных лиц, формализация судебных процедур, изменение правосознания граждан, воспринимающих право преимущественно как инструмент репрессии. Отдельно рассматривается воздействие цифровизации на практику государственного принуждения: автоматизированные системы фиксации правонарушений и предиктивной аналитики

усиливают превентивный контроль и риски деперсонифицированного ограничения свободы. Сделан вывод о необходимости четкого разграничения сфер применения административного и уголовно-процессуального принуждения, укрепления судебного контроля, развития правовой культуры и гражданского общества для сохранения баланса между эффективностью правоприменения и охраной человеческого достоинства, прав и свобод личности. Научная новизна исследования состоит в междисциплинарной интерпретации мер принуждения как особого вида коммуникативного взаимодействия государства и личности, а практическая значимость — в формулировании направлений совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Для цитирования в научных исследованиях

Волкова В.В., Бабенко И.А. Правовые аспекты применения мер административного и уголовно-процессуального принуждения // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 10А. С. 428-436. DOI: 10.34670/AR.2025.93.50.050

Ключевые слова

Государственное принуждение, административное принуждение, уголовно-процессуальное принуждение, административная преюдиция, цифровизация правоприменения.

Введение

Проблема государственного принуждения является одной из вечных тем социально-философской и правовой мысли, уходящей корнями в самые основы теории государства и общественного договора. Государство, по своей сути, представляет собой институт, обладающий монополией на легитимное насилие, что является его фундаментальным отличием от любых других социальных образований [Трегубов, 2024]. Эта монополия не является самоцелью, но выступает в качестве инструмента для обеспечения порядка, защиты прав граждан и реализации общего блага. В этом заключается основной парадокс государственной власти: для защиты свободы она вынуждена применять ее ограничение. Меры принуждения, таким образом, становятся амбивалентным феноменом, который может служить как гарантом стабильности и справедливости, так и инструментом подавления и произвола. Разграничение между этими двумя ипостасями проходит по тонкой линии правовой регламентации, процедурных гарантий и гуманистических принципов, лежащих в основе правовой системы. Именно здесь, на стыке силы и права, рождается ключевой вопрос о легитимности принудительных мер, их соразмерности и целесообразности.

Современное общество, характеризующееся усложнением социальных связей, глобализацией угроз и стремительной цифровизацией, ставит перед правовой системой новые вызовы, актуализирующие проблематику государственного принуждения с новой силой. Расширение административной юрисдикции, появление новых составов правонарушений, а также тенденция к «размыванию» границ между административным и уголовным процессом создают риски для фундаментальных прав и свобод личности. Зачастую административное принуждение, воспринимаемое как менее суровое и более оперативное, начинает подменять собой уголовно-процессуальные механизмы, которые обладают значительно более высоким уровнем правовых гарантий для индивида [Ландерсон, 2023]. Это явление, которое можно

охарактеризовать как «административизация» репрессии, требует глубокого междисциплинарного анализа, выходящего за рамки чисто догматической юриспруденции. Необходимо исследовать не только формальные нормы, но и социальные практики их применения, философские основания, оправдывающие вмешательство государства в частную жизнь, и те гуманитарные пределы, за которые это вмешательство не должно выходить ни при каких обстоятельствах.

Материалы и методы исследования

Теоретической и эмпирической базой настоящего исследования послужил комплекс источников, отражающих многогранность изучаемой проблемы. В качестве материалов были использованы нормативные правовые акты Российской Федерации, включая Конституцию, Кодекс об административных правонарушениях, Уголовно-процессуальный кодекс и другие федеральные законы, регламентирующие порядок применения мер государственного принуждения. Важнейшей составляющей источниковой базы стала правоприменительная, и в первую очередь судебная, практика, в частности решения Конституционного Суда, Верховного Суда, а также судов общей юрисдикции, которые позволяют увидеть, как абстрактные правовые нормы преломляются в конкретных жизненных ситуациях. Кроме того, материалом для анализа послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых в области теории права, философии права, социологии, административного и уголовно-процессуального права [Россинский, 2024]. Особое внимание было уделено классическим работам, посвященным концепциям власти, насилия и легитимности, а также современным исследованиям, анализирующим трансформацию механизмов социального контроля в информационном обществе.

Методологическая основа исследования носит междисциплинарный характер и базируется на сочетании общенаучных и частнонаучных методов познания. Ключевым методом выступил диалектический подход, позволивший рассмотреть государственное принуждение как единство и борьбу противоположностей: порядка и свободы, общего интереса и прав личности, легитимности и произвола. Системно-структурный анализ применялся для изучения системы мер принуждения как целостного механизма, состоящего из взаимосвязанных элементов административного и уголовно-процессуального характера. Формально-юридический метод был использован для догматического анализа содержания правовых норм [Трегубов, 2022b]. Однако центральное место в методологии заняла социально-философская рефлексия, включающая в себя герменевтический метод для интерпретации смыслов и целей правового регулирования, а также феноменологический подход для анализа принуждения как переживаемого социального опыта. Такой синтез методов позволяет не просто описать существующие правовые механизмы, но и вскрыть их глубинное социальное значение, гуманитарные риски и потенциал для развития в русле правового государства.

Результаты и обсуждение

В основе любого анализа государственного принуждения лежит фундаментальное различие между насилием и легитимной силой. Насилие, по своей природе, произвольно, иррационально и деструктивно. Легитимное принуждение, напротив, является силой, введенной в рамки права [Ленский, Тараскин, Ивахин, 2022]. Оно предсказуемо, подчинено строгой

процедуре, преследует социально одобряемую цель и основано на законе, принятом в соответствии с демократическими процедурами. Эта трансформация грубой силы в правовое принуждение является одним из величайших достижений цивилизации, ядром идеи правового государства. Однако эта трансформация никогда не является окончательной и постоянно находится под угрозой регресса, когда правовые формы начинают использоваться для прикрытия фактического произвола.

Административное принуждение в этой системе занимает особое место. Оно позиционируется как инструмент оперативного реагирования на правонарушения, не представляющие большой общественной опасности, и направлено в первую очередь на предупреждение, пресечение и обеспечение порядка [Трегубов, 2023]. Его характерные черты — быстрота, упрощенная процедура и широкий спектр мер, от предупреждения и штрафа до административного ареста и приостановления деятельности. Именно в этой оперативности и кажущейся «незначительности» кроется его основная опасность. Упрощенная процедура зачастую оборачивается снижением уровня правовых гарантий для лица, привлекаемого к ответственности [Гришин, 2023]. Презумпция невиновности, право на квалифицированную юридическую помощь, состязательность сторон — все эти столпы уголовного процесса в административной юрисдикции часто носят декларативный или усеченный характер.

Уголовно-процессуальное принуждение, в свою очередь, представляет собой «тяжелую артиллерию» государства. Оно применяется в связи с совершением преступлений — деяний, посягающих на наиболее важные общественные отношения. Меры этого принуждения, такие как задержание, заключение под стражу, обыск, самым существенным образом ограничивают конституционные права граждан [Трегубов, 2023]. Именно поэтому уголовный процесс обставлен максимальным количеством процедурных гарантий, призванных защитить личность от необоснованного преследования и судебной ошибки. Здесь индивид должен выступать не как объект властного воздействия, а как субъект процесса, наделенный правами и возможностями для их защиты.

Ключевой проблемой современного правоприменения становится стирание демаркационной линии между этими двумя видами принуждения. Мы наблюдаем феномен, который можно назвать «ползучей экспансией» административной юрисдикции. Все чаще деяния, по своей сути требующие тщательного расследования и полноценного судебного разбирательства в рамках уголовного процесса, переводятся в разряд административных правонарушений. Это позволяет государственным органам действовать быстрее и эффективнее с точки зрения достижения своих целей, но эта эффективность достигается за счет прав граждан [Трегубов, 2022a].

Особую тревогу вызывает институт так называемой административной преюдиции, когда повторное совершение административного правонарушения в течение года становится основанием для уголовной ответственности. На первый взгляд, это логичный механизм усиления ответственности за систематические нарушения. Однако с социально-философской точки зрения он порождает серьезнейшую проблему. Фактически, решение по административному делу, вынесенное в условиях упрощенной процедуры и с низким уровнем гарантий, становится предопределяющим для последующего уголовного приговора [Быкадорова и др., 2022]. Это подрывает основы уголовного правосудия, превращая его из самостоятельного исследования обстоятельств дела в формальную констатацию ранее установленного факта.

Принципы соразмерности и необходимости, являющиеся универсальными критериями

правомерности любого ограничения прав, в сфере административного принуждения зачастую применяются формально. Широкая дискреция, то есть свобода усмотрения, которой наделены должностные лица, создает почву для субъективизма и избирательного правоприменения. Штраф, который для одного человека является незначительной суммой, для другого может стать непосильным бременем [Гришин, 2024]. Административный арест, применяемый за участие в несогласованной акции, по степени интенсивности воздействия на свободу личности мало чем отличается от краткосрочного лишения свободы по приговору суда, но назначается в несравнимо более простой процедуре.

В этом контексте происходит опасная трансформация правосознания. Гражданин перестает воспринимать право как сферу справедливости и защиты, видя в нем лишь набор запретов и санкций, применяемых по усмотрению власти. Правовой диалог между личностью и государством, где обе стороны являются равноправными субъектами, подменяется административным монологом, где одна сторона диктует волю, а другая обязана подчиняться [Гараева, 2024]. Это ведет к отчуждению человека от правовой системы и снижению легитимности государственной власти в глазах общества.

Гуманитарное измерение данной проблемы связано с понятием человеческого достоинства. Любая мера принуждения, даже самая законная, является посягательством на автономию личности. Правовое государство обязано минимизировать это посягательство и обставлять его такими условиями, которые не унижают достоинство человека [Карпова, 2024]. Когда процедура применения принуждения становится формальной, быстрой и лишённой подлинной состязательности, человек из субъекта права превращается в объект управленческого воздействия, единицу в статистике правонарушений.

Цифровизация общества добавляет новые штрихи в эту картину. Системы автоматической фиксации правонарушений, алгоритмы предиктивного анализа для выявления потенциальных нарушителей, создание цифровых профилей граждан — все это новые, высокоэффективные формы социального контроля и принуждения. Их особенность в том, что они часто действуют незаметно, превентивно и деперсонифицированно [Жиделев, 2024]. Они создают «цифровую клетку», которая направляет поведение человека в нужное русло без прямого физического или психического воздействия. Это ставит перед философией права совершенно новые вопросы о границах свободы воли и природе принуждения в информационную эпоху.

Проблема заключается не в самом существовании административного или уголовного принуждения — без него не может существовать ни одно сложно организованное общество. Проблема в их смещении, в нарушении баланса, в использовании более простых и менее защищенных процедур для решения задач, требующих максимальных правовых гарантий [Гречкина, 2025]. Это путь к эрозии правового государства, к его постепенной трансформации в государство административно-полицейское, где эффективность ценится выше справедливости, а порядок — выше свободы.

Заключение

Анализ правовых и социально-философских аспектов применения мер административного и уголовно-процессуального принуждения показывает, что данный институт представляет собой диалектическое единство необходимости и риска. С одной стороны, принуждение является неотъемлемым атрибутом государственной власти, необходимым для поддержания правопорядка и защиты общественных интересов. С другой стороны, оно несет в себе

перманентную угрозу для прав и свобод личности, рискуя превратиться из инструмента права в инструмент произвола. Четкое разграничение между административным и уголовно-процессуальным принуждением, основанное на степени общественной опасности деяния и соразмерном уровне процедурных гарантий, выступает фундаментальным барьером на пути к подобной деградации правовой системы. Наблюдаемая в современной практике тенденция к стиранию этих границ, к использованию упрощенных административных процедур для решения задач уголовно-правового характера, является тревожным симптомом, свидетельствующим о смещении баланса от защиты личности в сторону укрепления властной вертикали.

Преодоление этих негативных тенденций требует комплексного подхода, выходящего за рамки совершенствования отдельных правовых норм. Необходимо формирование в обществе и, в первую очередь, в среде правоприменителей, глубокой правовой культуры, основанной на уважении к человеческому достоинству и понимании свободы не как дара государства, а как неотъемлемого права личности. Укрепление независимости судебной власти, развитие институтов гражданского общества, повышение правовой грамотности населения — все это является необходимыми условиями для того, чтобы система государственного принуждения функционировала в строгом соответствии со своим предназначением. Конечная цель заключается в построении такой модели правоотношений, где государство, применяя силу, делает это исключительно в рамках закона, с соблюдением всех гарантий и лишь в той мере, в какой это абсолютно необходимо для защиты основ справедливого общественного устройства, всегда помня, что человек является не объектом управления, а высшей ценностью и смыслом существования самого права.

Библиография

1. Трегубов И.С. Меры административно-процессуального принуждения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 200-202.
2. Трегубов И.С. К вопросу о мерах административно-процессуального принуждения // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. № 4 (64). С. 127-134.
3. Трегубов И.С. Меры административно-процессуального принуждения // Полицейская и следственная деятельность. 2022. № 4. С. 1-12.
4. Гараева Т.Б. Административное и уголовно-процессуальное задержание: правовой анализ принудительных мер // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 416-418.
5. Ландерсон Н.В. Меры административно-правового и административно-процессуального принуждения: отличие и взаимосвязь // Административное право и процесс. 2023. № 11. С. 38-45.
6. Гришин Д.А. Отличительные особенности мер административного принуждения, применяемых в уголовно-исполнительной системе // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 12-16.
7. Трегубов И.С. Вопросы эффективности применения мер административно-процессуального принуждения // Административное право и процесс. 2023. № 9. С. 73-77.
8. Жиделев А.Д. Пресечение и принуждение в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Мировой судья. 2024. № 2. С. 24-29.
9. Россинский С.Б. Фактическое задержание лица по подозрению в совершении преступления: уголовно-процессуальное действие, мера административного принуждения или...? // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 1. С. 131-139.
10. Гречкина О.В. Меры процессуального принуждения в административно-деликтном законодательстве // Юридический мир. 2025. № 7. С. 43-45.
11. Ленский В.М., Тараскин Н.В., Ивахин И.А. Правовые проблемы применения мер административного принуждения со стороны сотрудников органов внутренних дел // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России. 2022. № 16. С. 125-129.
12. Трегубов И.С. О сущности системы мер административно-процессуального принуждения // Современное право.

2024. № 7. С. 33-40.

13. Карпова О.В. Правовая природа и отраслевая принадлежность деятельности по исполнению мер процессуального принуждения // Законодательство и практика. 2024. № 1 (52). С. 15-19.
14. Гришин Д.А. О соотношении административно-процедурного и административно-процессуального способов реализации мер административного принуждения // Административное право и процесс. 2023. № 11. С. 25-30.
15. Быкадорова Е.В., Манилкин Н.В., Афанасьев А.В., Смиуха А.Е. Основания и цели избрания иных мер уголовно-процессуального принуждения // Аграрное и земельное право. 2022. № 2 (206). С. 126-129.

Legal Aspects of Applying Measures of Administrative and Criminal Procedural Coercion

Viktoriya V. Volkova

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of Jurisprudence Department,
Krasnodar Cooperative Institute (Branch)
of Russian University of Cooperation,
350080, 86 Mira str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: www.truba.ru@mail.ru

Irina A. Babenko

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Jurisprudence Department,
Krasnodar Cooperative Institute (Branch)
of Russian University of Cooperation,
350080, 86 Mira str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: www.truba.ru@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of legal and socio-philosophical aspects of applying measures of administrative and criminal procedural coercion in contemporary Russia. The research aim is to identify threats to individual rights and freedoms arising in conditions of expanding administrative jurisdiction and blurring boundaries between administrative and criminal processes. The empirical basis of the work consists of the Russian Constitution, sectoral legislation, decisions of the Constitutional Court, Supreme Court and courts of general jurisdiction, as well as current scientific publications by domestic and foreign authors; the methodological foundation comprises dialectical, systemic-structural, formal-legal, hermeneutic, and phenomenological approaches. The authors show that administrative coercion, originally intended for prompt response to minor offenses, actually begins to substitute criminal procedural mechanisms possessing a higher level of procedural guarantees. Special attention is paid to the phenomenon of administrative prejudice, where decisions made in simplified procedures predetermine subsequent criminal liability, undermining the principles of presumption of innocence and adversarial proceedings. The influence of broad discretion of officials, formalization of judicial procedures, and changes in citizens' legal consciousness, who perceive law primarily as an instrument of repression, are

analyzed. The impact of digitalization on the practice of state coercion is separately considered: automated systems for recording offenses and predictive analytics enhance preventive control and risks of depersonalized restriction of freedom. The conclusion is made about the necessity of clear delineation of spheres of application of administrative and criminal procedural coercion, strengthening judicial control, developing legal culture and civil society to preserve the balance between law enforcement efficiency and protection of human dignity, rights and freedoms of the individual. The scientific novelty of the research consists in the interdisciplinary interpretation of coercion measures as a special type of communicative interaction between the state and the individual, and the practical significance lies in formulating directions for improving legislation and law enforcement practice.

For citation

Volkova V.V., Babenko I.A. (2025) *Pravovyye aspekty primeneniya mer administrativnogo i ugovolno-protsessual'nogo prinuzhdeniya* [Legal Aspects of Applying Measures of Administrative and Criminal Procedural Coercion]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (10A), pp. 428-436. DOI: 10.34670/AR.2025.93.50.050

Keywords

State coercion, administrative coercion, criminal procedural coercion, administrative prejudice, digitalization of law enforcement.

References

1. Tregubov I.S. Measures of administrative and procedural coercion // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. No. 3. pp. 200-202.
2. Tregubov I.S. On the issue of administrative procedural coercion measures // *Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2022. No. 4 (64). pp. 127-134.
3. Tregubov I.S. Measures of administrative and procedural coercion // *Police and investigative activities*. 2022. No. 4. pp. 1-12.
4. Garayeva T.B. Administrative and criminal procedural detention: a legal analysis of coercive measures // *Law and the state: theory and practice*. 2024. No. 9 (237). pp. 416-418.
5. Landerson N.V. Measures of administrative-legal and administrative-procedural coercion: difference and interrelation // *Administrative law and process*. 2023. No. 11. pp. 38-45.
6. Grishin D.A. Distinctive features of administrative coercion measures used in criminal proceedings -executive system// *Administrative law and process*. 2024. No. 3. pp. 12-16.
7. Tregubov I.S. Issues of the effectiveness of administrative and procedural coercion measures // *Administrative law and process*. 2023. No. 9. pp. 73-77.
8. Zhidelev A.D. Suppression and coercion in Russian criminal procedure legislation // *Justice of the Peace*. 2024. No. 2. pp. 24-29.
9. Rossinsky S.B. The actual detention of a person on suspicion of committing a crime: a criminal procedural act, a measure of administrative coercion or...? // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. 2024. No. 1. pp. 131-139.
10. Grechkina O.V. Measures of procedural coercion in administrative and tort legislation // *Legal World*. 2025. No. 7. pp. 43-45.
11. Lensky V.M., Taraskin N.V., Ivakhin I.A. Legal problems of the application of administrative coercion measures by law enforcement officers // *Bulletin of the Ryazan branch of Moscow University The Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 16. pp. 125-129.
12. Tregubov I.S. On the essence of the system of administrative and procedural coercion measures // *Modern law*. 2024. No. 7. pp. 33-40.
13. Karpova O.V. The legal nature and industry affiliation of activities for the implementation of procedural coercion measures // *Legislation and practice*. 2024. No. 1 (52). pp. 15-19.
14. Grishin D.A. On the relationship between administrative-procedural and administrative-procedural ways of

- implementing administrative coercion measures // Administrative law and process. 2023. No. 11. pp. 25-30.
15. Bykadorova E.V., Manilkin N.V., Afanasyev A.V., Smiyukha A.E. The grounds and objectives of choosing other measures of criminal procedural coercion // Agrarian and land law. 2022. No. 2 (206). pp. 126-129.